

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН

Я ВЕРНУСЬ НАВСЕГДА...

РОДОВЫЕ КОРНИ

Дом родной далеко, за немыслимой бездною звёзд,
за пустыней, за морем, под охраной надёжного Бога.
И однажды, устав от земных перегрузок и вёрст,
я вернусь навсегда, и застыну свечой у порога.

Успокоив волнение, в знакомую дверь постучусь
и услышу в ответ: “Заходите, все дома”, — и это
сердце болью пронзит, но я с неба на землю спущусь
и войду в коридор, освещённый привычно вполсвета.

Мать, узнав во мне сына, руками по-птичьи взмахнёт
и заплачет, заплачет, сугробом на стул оседая,
а отец, завершивший победно военный поход,
просто руку протянет: “Здорово, кровинка родная!”

Сядем дружно за стол в свете яркого вешнего дня,
и до ночи глубокой продлится о жизни беседа,
и теплом, и покоем наполнится грусть у меня,
будто пригоршню выпил брусничного ясного лета.

ПЕРЕВЕРЗИН Иван Иванович родился в 1953 году в поселке Жатай Якутской АССР. Автор многих поэтических сборников, выдающийся поэт, вышедший из сибирской глубинки, из русского простонародья. Лауреат многих литературных премий. Его стихи были впервые напечатаны в нашем журнале с благословения Юрия Кузнецова в 1993 году. Постоянный автор журнала “Наш современник”.

* * *

Ни лучше, ни хуже я жить не смогу!
Душе, как всполоху горящему, верю.
Цветут незабудки на росном лугу,
и есть чем питаться голодному зверю.

Я жалостен так, что и смерть воробья
считаю навеки печальной утратой.
Но вслед за отцами идут сыновья,
идут и идут, чтобы гибнуть в солдатах.

И нет ведь отечества, чей бы закат
так не был душе упоительно сладок.
Вдали громыхают грома невпопад,
а мнится, что мины взрываются рядом.

О, грусть, о, тревога, о, мука, о, боль! —
От вас никогда не бежал безоглядно.
Но я без слезы устою пред судьбой,
хотя она бьёт через меру нещадно!

Я к славе приду иль безвестным умру?
От века нерадостна участь пророка...
Но дел моих сад отцветёт на ветру,
как будто за жаркою пазухой Бога!

* * *

Я в этой жизни, словно в смерти,
в тяжёлой страшной круговерти,
навзрыд не знаю, как мне быть:
иль бражничать, причём запоем,
или башкою смертным боем
об камень-стенку колотить.

Должно хоть что-то в самом деле
помочь прозреть в конце туннеля
свет вдохновенья, свет любви,
ведь я же человек-то добрый,
хоть и ломаю в драках рёбра,
но пью всегда лишь на свои.

Вот только бы в глухой печали
твои глаза вдруг не завяли,
как розы в сумасшедший зной.
Они мне были чем-то вроде
горящих звёзд на небосводе,
и будут впредь, клянусь душой!

А чтоб они цвели счастливо,
я должен всей душой ревниво
воспеть их, не пугаясь зла.
Гори огнём, моё предсердье,
гори с надеждой на бессмертье —
пусть жизнь вокруг и тяжела!

* * *

Жизнь оборвалась на полувздохе
и летит, свистя, в тартарары.
И молчат бессовестно эпохи,
угасают звёздные миры.

Но люблю сияющую память,
что покуда я не растерял.
Жил народ наш верно под царями
и на верность Богу присягал.

А сегодня разве он свободен,
с горькою душою, нищ и наг,
радостен кому, кому угоден,
коль признал безродной власти стяг?

При царях народ жил добротою,
и полмира кланялись ему
за возможность под его рукою
мирно жить, одолевая тьму!

Звёздная, великая Россия,
где ты, зову сердца отзовись!
Всё возьми: судьбу, тепло и силу,
только, заклинаю, возродись!

* * *

В магазине очередь за хлебом
длинная, не очередь, а срам!
И с высоким неуёмным гневом
власть ругает старый ветеран.

Слушаю... На сердце боль и мука:
Господи! а кто же эту власть
выбирал, тянул согласно руки,
твёрдо веря, что она за нас?

Я в ответ не говорю ни слова,
чтоб напрасно душу не травить,
ведь она давным-давно готова
разорваться... и меня убить.

Я куплю заветную буханку,
не пойду ругаться в сельсовет,
А отправлюсь в поле спозаранку
сеять хлеб: там очереди нет!

* * *

Жизнь мне досталась понарошку,
пусть и с тяжёлой солью слёз.
Как будто снег занёс дорожку,
и напрочь застудил мороз.

Но в самом деле-то открылась
моей души той меры ширь,

что всю пройти никто не в силах,
что звать по-древнему «Сибирь».

Вот где возможность замахнуться
на жизнь, в которой смерти нет.
О ней не зря стихи поются
уже, считай, пять сотен лет.

Я вскормлен молоком кобыльим,
как сталь, на стуже закалён,
решился, чтоб в сказанья-были
был честь по чести занесён.

Для этого с тайгой сражался,
вершил до “белых мух” стога,
из темноты в свет обращался
и зряшным не считал врага.

Жизнь прожита, а может, только
вновь начинается, Бог весть.
Но если мне в аду не горько,
то сил моих и впрямь не счесть!

* * *

Мой новый век, как зверь, безжалостно свиреп,
навряд ли сосчитать погибших в нём судеб.

И сколько бы по ним ни плакал я душой,
не станет меньше боль, рождённая бедой.

Тем боле, между злом и добротой борьба
всегда жестока в край, до мерзости слепа!

В грусть думаю порой, чтоб с жаждой бытия
в конце концов навек не сгинул в бездне я.

Нет, я не стал слабей от боли злой в крови,
Но страшно жить в борьбе без счастья и любви!

У МОРЯ

Горит и гаснет вечер поздний,
на белых скалах синий лёд.
Из бездны гул прибоя грозный
уходит в стылый небосвод.

От сада, где поёт пичуга,
тень отошла и пала ниц.
Забыв о тяжком зное юга,
над морем ветер без границ.

И терпко-горький запах йода
бьёт ободряюще в лицо,
как в миг свободного полёта
пред тем, как выдернуть кольцо.

О край рассветного поэта,
чья жизнь стихом оборвалась!
Я чувствую, как морем света
твоя любовь ко мне зажглась.

Я здесь проездом по работе,
но кажется, что вечно жил, —
душа в стремительном полёте
земных не ощущает крыл.

Отсюда мне, как на ладони,
вся жизнь бессмертная видна.
И не перо орёл обронит,
а песню, что в душе одна.

* * *

Люблю один бродить в лесах,
когда поёт печально сойка.
Туман, как вату, на ветвях
берёза держит одиноко.

То ль от вчерашнего дождя,
то ль от росы лист прошлогодний
промок и не шуршит, когда
я в лес вхожу, от зла свободный.

А вот и солнце над землёй
восходит, огненно пылая,
весь мир — и мёртвый, и живой —
лучами вновь преображая.

Где мыслей дрожь, где сердца гром,
где тела горькая усталость?
Словно коровьим языком,
потоком солнечным слизалось.

Иду счастливый, молодой
по тропкам заячьим и лисьим
и обретаю вновь настрой
на чистые от счастья мысли.

И станет жизнь на час светла
и вдохновенна до предела,
как будто век не знала зла,
как будто лишь цвела и пела!

КАИН

Мой век уходит, словно Каин,
рукой сурово сжав топор.
В твоё сознание словно впаян
его горящий, ярый взор.

Ты не остыл ещё от битвы,
и ни на пядь не отступил,
и защитил свои молитвы,
сестёр и братьев защитил.

Морщины радости и горя
ползут, как лава, по лицу,
со смертью в неуёмном споре
нет передышки молодцу!

Дрожит земля, вскипают реки,
бой не унять на рубеже
последний, видно, в этом веке
и, может, в жизни вообще.